

Вор и тьма

Автор:

[Сергей Куц](#)

Вор и тьма

Сергей Куц

Николас Гард #2

Проклятые леса. Я шел туда с теми, кому не доверял, а они не верили друг другу. Но Николас Гард должен пройти избранный путь до конца. Я здесь, чтобы освободить Алису из плена черной власти и ради мести. Низверженный... Это он убил Старика и ночных крыс, это в его руках моя любовь, и, кем бы он ни был, он мой враг. Я уже близко! Знать бы, куда приведет любовь и жажда отмщения. Но что даст это знание? Ничего, а впереди Запустение и начало роковых событий, изменивших мир.

Сергей Куц

Вор и тьма

(продолжение книги «Вор и убийца»)

Глава 1

Неуспокоенный

Стряхнув с плаща снег, я последовал за орками. В лагере остались двое: отец Томас и Тейвил. Церковник как будто не заметил всеобщей тревоги, он молился, а лейтенант сказал, что кто-то должен охранять бивуак.

Вчера, ближе к полудню, мы прибыли к месту, откуда продолжим путь пешком. Разгрузили челноки и на небольшом удалении от реки разбили стоянку; на поляне, в окружении густого ельника, который хорошо укрывал от ветра. Орки разделились: половина с Манроком во главе идут вместе с нами, а остальные погнали пустые лодки вверх по течению. Старшего в пятерке ушедших звали Гурдун.

Ночью подморозило, и до утра сыпал мелкий снег. Рассвело с час назад; к полудню, наверное, все растает.

Проснувшийся лагерь ждал Барамуда и Крика, которые отправились на разведку до Гнилого водопада, когда к кострам прибежали двое не на шутку встревоженных орков. Манрок отправил их к реке проверить поставленные вчера сети. Улов есть, и, похоже, не рыба. Я не понимаю орочьего наречия, но точно расслышал, как в устах возбужденных орков несколько раз прозвучало имя Гурдуна.

Звякнуло железо: шедший впереди Генрих фон Геринген обнажил свой клинок. Вчера я долго говорил с имперцем, пытаюсь донести свои соображения, почему он в Запустении. Имперец молчал и угрюмо слушал мои объяснения, потом сказал, что ему нужны лишь две клятвы – от меня и Тейвила. Чтобы мы пообещали ему дуэль при условии, что выберемся из проклятых лесов. Огсбургец признался, что мечтает убить нас, но не здесь и не сейчас; он понимал, что в одиночку из Запустения не выбраться. Я и Тейвил произнесли слова клятвы, затем арниец срезал путы на руках Генриха и вернул ему оружие. На время похода меж нами и пленником перемирие. Хотя мы могли прикончить полковника, и никто даже не покосился бы в нашу сторону, разве что отец Томас, но мне нужен Дар огсбургца.

Я смотрел на седой затылок Герингена и размышлял, не ошибку ли мы совершили, когда вернули ему оружие. Долго терзаться не довелось: вот и берег. В нескольких шагах от реки стояли шестеро: орки и Акан Рой.

– Не подходите близко к воде, – предостерег толстяк.

Волны Черной речки прибили к берегу мертвое тело. Труп лежал на спине, опутанный рыбацкой сетью.

– Наш Гурдун, – произнес Морок, стуча пальцами по торчащей из-за кушака рукояти пистоля, – и сети тоже наши.

Имперец грязно выругался.

– Что тут произошло? Откуда труп? – требовательно спросил Геринген.

Мне показалось, что огсбургец несколько забылся, здесь он не полковник, однако остальные ничего не заметили либо им было начхать на тон имперца.

– Это Запустение, – вместо ответа произнес Морок, – никогда не знаешь, что оно преподнесет.

– Что с остальными?

Я имел в виду других орков, которые отправились вчера домой.

– Не знаю, – мрачно произнес Манрок. Наклонившись, он черпнул ладонью снег и размазал его по лицу. – Лодок нет, самих их тоже не видно. Один лишь Гурдун. Но мои люди не могли бросить товарища; ни живого, ни мертвого.

– Что с ним случилось? – Я догадывался, что убило орка; вернее, кто убил его. Тень! Но соображения придержу при себе.

– Не знаю, – повторил Морок, – и никто не скажет, что произошло. Мы лишь споем Гурдуну погребальную песнь.

Алиса пообещала, что будет убивать всех, кто пойдет со мной к логову сиятельных. Одного за другим, пока не покончит с последним и я не останусь один. Племянница покойного кардинала начала претворять свои обещания в жизнь. Со вчерашнего дня я понял, что она поблизости, вот уже сутки не покидает смутное ощущение, что Алиса где-то рядом.

Едва я сделал шаг к воде, Акан схватил за плечо:

– Не подходи к мертвому! Лучше приготовь оружие.

Я непонимающе посмотрел на Роя, толстяк хмыкнул и обнажил короткий горский меч. В левую руку Акан взял пистоль.

– Скоро сам увидишь.

Я пожал плечами; как покинули деревню орков, оружие всегда при мне: четыре пистоля на портупее с ременной перевязью – два на груди, рукоятью от сердца, еще пара на поясе по бокам. Бракемарт в ножнах и два кинжала, в сапоге – метательный нож.

– Болг! Уртак! Давайте за рогатинами! – велел Морок.

Двое орков побежали в лагерь. Мне невдомек, зачем у каждого из орков по рогатине. Когда увидел, что их кладут в лодки, подумалось, что тащить с собой в Запустение еще и по копью – это не слишком хорошая идея, но, похоже, вот-вот увижу, для чего воины Манрока и сам вождь снарядились рогатинами.

Вооружившись тяжелыми копьями с широкими обоюдоострыми наконечниками, орки вернулись; вместе с ними появился Крик.

– Багамут остагся в гагере, – сообщил картавый Уртак. Забавный говор плохо вязался со шрамом на правой щеке немолодого орка.

– И то верно, – произнес Рой, – одного барона может быть мало.

– Для чего мало?

– Для Запустения, Гард. Тут два первейших правила: не оставайся один и не отходи далеко от товарищей. – Акан говорил с крайне серьезным видом. Я редко видел его таким, как сейчас: без привычных озорных искорок в глазах.

– Там еще инквизитор есть.

– Какой из него боец?

- Плохой, - признал я.

Эльф достал из колчана стрелу и подступил к кромке воды, чтобы никто из орков не загоразивал своего мертвого собрата. Перворожденный остановился в десятке шагов от мертвеца, положив стрелу на тетиву. Крик держал лук в опущенной руке, будучи готов поднять оружие в любой миг и выстрелить.

По сигналу Морока орки тоже стали около воды. Болг подцепил наконечником копья сеть, коей был укутан Гурдун, и подтянул тело к суше. Пара орков взяла мертвеца за ноги.

- Тяните медленно. - Манрок проверил, легко ли выходит из ножен охотничий нож.

- Обождите нас! - окликнул вождя Рой.

- Становитесь позади, - полуобернувшись, произнес Манрок. Он не отводил взгляда от мертвого соплеменника.

- Пойдем, - сказал мне и Герингену толстяк.

- Почему все ведут себя так, словно ждут, что покойник вот-вот бросится на нас? - Последовав примеру Роя, я тоже вытащил пистоль и обнажил бракемарт. Справа от меня с аркебузой на изготовку ступал имперец. Судя по бегающим глазам, хмурый Геринген тоже не мог уловить смысл в действиях орков.

- Потому что может и кинуться, - ответил Рой. - В Запустении с мертвыми следует быть осторожней, чем с живыми. Если не знаешь причину смерти - держи ухо востро.

- Верно, - кивнул Морок. Мы расположились широким полукругом в пяти или шести шагах за ним. - Нельзя бросать Гурдуна здесь, мы должны похоронить его по обычаям предков, но риск есть.

- Если вдруг... бейте в голову! - сказал толстяк; то ли оркам, то ли обратился ко мне и имперцу.

Два копыеносца разместились с двух сторон от мертвого.

- Ладно, хватит разговоров. Вытаскивайте! – распорядился Морок.

Труп медленно потянули из воды. Болг и Уртак направили рогатины к голове мертвого орка, чтобы вонзить в нее сталь при малейшем подозрении на неподобающее поведение мертвеца.

Того вытащили из воды не полностью, плечи и голова оставались в речке.

- Переверните, – велел Манрок.

Когда Гурдуна погрузили лицом в воду, вождь принялся резать сеть, спутавшую труп. Освободив его руки, Морок спрятал нож.

- Все спокойно, – сказал он.

Орки расслабились, Болг и Уртак подняли копья. Я перевел взгляд на толстяка, Рой облегченно вздохнул и, подмигнув, произнес:

- Пронесло.

- Погодите! – воскликнул Геринген. Имперец указывал на эльфа.

Перворожденный натянул тетиву и замер, не спуская взора с мертвеца.

- Назад! – заорал Морок.

Пятеро орков отскочили на несколько шагов. Мертвый поднялся на ноги и развернулся к соплеменникам. Он стоял, чуть согнув спину, изо рта вырвалось звериное рычание. Упырь! Гурдун больше не орк! Стрела вонзилась в плечо неупокоенного, однако тот не обратил на нее внимания.

- Бей! – выкрикнул Манрок.

Уртак ударил рогатиной, целя в голову упыря. Наконечник копья пролетел мимо уклонившегося мертвеца. Гурдун схватился за древко копья и с нечеловеческой мощью дернул на себя. Орк выронил оружие и кубарем полетел в воду, упав в нескольких шагах от неупокоенного. Рогатину упырь отбросил к лесу.

– Дьявол! – Имперец вскинул аркебузу, пытаясь взять на мушку голову мертвеца.

Хлопнул выстрел – Манрок разрядил свой пистоль в упыря. Вождь тоже целился в голову, но попал чуть выше сердца неупокоенного. Пуля от разряженного в упор оружия сильно толкнула упыря в грудь, он покачнулся и ступил на шаг назад.

Откинув пистоль, Морок выхватил рогатину из рук замешкавшегося Болга и снова атаковал мертвеца. Упырь легко отбил рогатину, ударив снизу лапой. Именно лапой, потому что длинные когти, которыми оканчивалась конечность, более не позволяли назвать ее рукой.

Вторая стрела эльфа ушла в пустоту, а третья вонзилась в правое плечо Манрока, когда вождь пытался сразить упыря рогатиной. Раненая рука вождя выронила копье.

– Кровь и песок! – проревел Акан Рой.

Упырь поднял голову и торжествующе заревел, словно оценил промах перворожденного. Манрок отступил за спины своих воинов, трое орков выставили в сторону неупокоенного изогнутые мечи.

Три стрелы вонзились в упыря, одна даже в голову, но мертвец не замечал их. Не переставая яростно реветь, Гурдун шагнул к бывшим товарищам, орки попятились.

Грянул ружейный выстрел. Огсбургец пальнул из аркебузы, но промазал. Выругавшись, граф достал шомпол и принялся лихорадочно заряжать ружье.

– Нужно бить в упор! – Вдев бракемарт в ножны, я выхватил из кобуры второй пистоль и направился к упырю. Страх почти не было, скорее азарт боя.

Позади пыхтел толстяк. Когда поравнялись с орками, Акан выстрелил, его пуля разбила неуспокоенному челюсть. Меткий выстрел отбросил голову нежити назад, согнув шею неестественным образом, я даже подумал, что упырю конец. Но нет, тот снова поднял голову и посмотрел на нас глазами с почерневшими белками без зрачков. Взор неуспокоенного обдал волной страха. Рычать Гурдун более не мог, развороченная пасть издавала лишь булькающие звуки.

Не думая, чтоб не потерять решимость, я шагнул навстречу мертвецу. Еще шаг, и два выстрела: я попал один раз из двух. Голова упыря снова откинулась, он отступил назад, что позволило выхватить два новых пистоля. Упырь поднял изувеченную парой выстрелов морду и посмотрел на меня одним целым глазом.

Два выстрела грянули одновременно, я попал дважды, и оба раза в голову, которую снова отбросило назад. Неуспокоенный отступил на пару футов и рухнул в воду. Упырь лежал не шевелясь и не издавая более ни звука.

Я оглянулся. Орки, толстяк и имперец тяжело дышали, как будто пробежали пару лиг. Манрок схватился за руку чуть выше локтя, из-под левой ладони вождя текла кровь. Опустив лук, эльф переводил взгляд то на Морока, то на затихшего упыря. Перворожденный оказался единственным среди нас, чье лицо не выражало эмоций, дышал он тоже ровно.

Манрок выругался и, одарив эльфа тяжелым взглядом, раздал своим распоряжения:

– Уртак, ты в лагерь и живо переодевайся. Нарваг и Болг, сторожите Гурдуна, а Ивур пусть перевяжет меня.

Вождь клана отошел на десяток шагов от берега, пара орков вновь направила на неуспокоенного подобранные с земли рогатины. Достав бинты, один из орков склонился над раненым. Толстяк и я также убрались от воды и принялись за разряженные стволы.

– Не задергается вновь? – приглаживая растрепанную бородку, рядом присел на корточки Геринген. Его аркебуза уже готова.

– Вряд ли, – работая шомполом, ответил Рой, – Николас хорошенько разнес ему башку. Против неуспокоенных только так нужно, ну или обезглавить, коль

получится, а потом похоронить. Сейчас орки оклемаются, и упокоим Гурдуна окончательно.

– Довелось слышать, что в Марке, – полковник произнес сокращенное название огсбургских владений в Сумеречье, – в таких случаях тоже отсекают голову.

– Как видишь, и здесь так же, – ответил Акан.

Я ожидал, что после упоминания империи толстяк неодобрительно взглянет на пленника, но Рой не подал виду, что его хоть как-то задевают слова полковника. Вообще, с нашей повторной встречи под Дорноком он ни разу не обозначил свое отношение к огсбургскому вторжению.

– Чего эльф задумал? – Генрих указал на перворожденного.

Пленник обычно держался особняком и был немногословен, но после схватки с упырем разговорился. Мне подумалось, что у графа прибавилось седины; похоже, с нечистью он встретился впервые. Видать, сам не из Марки. Большинство людей южнее Долгого хребта считают страшные истории про Сумеречье сказками.

Крик приблизился к оркам и протянул поводья нож.

– Показывает, что надо ломать древко, – Рой взялся за второй пистоль, – иначе не вытащить. Наконечник стрелы зазубренный.

Вождь орков мотнул головой. Движение отдалось болью в раненой руке. Глядя исподлобья на перворожденного, Морок процедил проклятие. Скривив презрительно губы, Крик спрятал нож и, демонстративно повернувшись к оркам спиной, направился за своими стрелами.

– Кровь и песок! – Имперец вскочил, чтобы не пустить эльфа к упырю, однако не успел помешать.

Внешне совершенно спокойный эльф нагнулся к мертвецу, чтобы выдернуть из него четыре стрелы. Орки подняли рогатины, словно приготовились разить копьями, только вот неясно кого – неуспокоенного, рядом с которым в опасной

близости появился живой, или все же эльфа. Манрок бросил воинам пару фраз на орочьем языке, и наконечники копий опустились; Нарваг и Болг все-таки направляли копья на эльфа.

Хороши же мои проводники... Готовы в любой миг вцепиться друг другу в горло! Хоть бы Манрок смог удержать своих воинов в узде, они точно не забудут неудачный выстрел Крика.

Повязка на руке вождя напиталась кровью.

- Надо звать Велдона, - пробормотал я, вспомнив о лечебной магии святого отца. Без нее Манроку придется туго.

- Идет, - растянул лицо в улыбке толстяк, - легок на помине.

Не говоря ни слова, инквизитор последовал напрямик к телу Гурдуна, неупокоенные-то - по его части. Эльф поспешил убраться. Крик и его хозяин, гном Барамуд, держались подальше от церковника на всем протяжении похода.

Монах достал серебряное Распятие.

- Отец Томас! - Манрок решительно окликнул инквизитора. - Мы сами проводим нашего брата в последний путь. По завету предков!

Инквизитор смерил вождя долгим взглядом черных глаз, однако орк не отступил, выдержал взор церковника. Томас Велдон спрятал крест в рукав темно-коричневой рясы, которую носил поверх горской куртки. Теперь внимание монаха переключилось на окровавленную повязку на руке орочьего вождя.

Акан Рой едва слышно чертыхнулся.

- Хорошо хоть эти собачиться не начали, - произнес он.

Монах подошел к вождю почти вплотную.

- Тебе надо помочь, - сказал он, - кровотечение не остановится, пока стрела в плече.

Морок недоверчиво посмотрел на инквизитора.

– Веруешь ли ты? – продолжил отец Томас, он снова вытащил серебряный крест.

Орк шумно вздохнул:

– Верую. Только Бог Отец и Бог Сын – не мои боги.

Томас Велдон посмотрел куда-то вдаль и снова спрятал Распятие.

– «А для язычников милости Твоей нет», – не глядя перед собой, монах процитировал Священное Писание и направился обратно в лагерь.

Воины Манрока нехорошо косились на инквизитора. Очень нехорошо.

– Проклятье! – тихо прорычал Рой. – Зря они так!

– Кто?

– Да оба! – в сердцах произнес толстяк. – Не до жиру, быть бы живу. Мы в Запустении, а они надумали мериться верой! Морок, ну ты-то чего?

Орк отмахнулся здоровой рукой:

– Сами справимся. Чем шуметь, помоги лучше.

– Я-то помогу, – толстяк сплюнул и потянулся к фляжке на поясе, – токмо бренди на тебя, упрянца, жаль.

Имперец присоединился к паре орков с рогатинами; граф сказал, что пусть неупоконенный только шевельнется, и он сразу стреляет; а я и Рой занялись раной Манрока. Вернее, горец занялся. Я лишь смотрел и размышлял о безрадостных перспективах нашего отряда.

Рой срезал рукав куртки, напитавшийся кровью орка, затем снял повязки и обильно смочил рану бренди.

– Стисни зубы, Морок. Гард, держи его руку, а ты, Ивур, следи, чтобы он не упал, если потеряет сознание.

Толстяк взялся за древко стрелы. Она не очень глубоко вошла в руку, но назад не выдернуть. Вождь закрыл глаза. Рядом вновь появился невозмутимый Крик; эльф ждал свой наконечник. Если бы мысли орков могли убивать...

– Готов?

Когда орк кивнул, Акан резко и сильно толкнул стрелу вниз. Орк закричал и потерял сознание на три удара сердца; хорошо, Ивур не сплеховал и подхватил вождя. Однако Рой мучил орка не зря – стальной наконечник проткнул плоть и полностью вышел наружу.

– Терпи, – предупредил толстяк.

Морок снова кивнул, и Рой толкнул стрелу, чтобы с той стороны показалось древко. Орк простонал, но на сей раз чувств не потерял, хотя боль испытывал сильнейшую.

Теперь древко торчало по обе стороны руки. Нож толстяка сточил дерево, отделив металлический наконечник, и Рой снова дернул стрелу, уже в обратном направлении. Все! Окровавленная деревяшка полетела прочь. Манрок вымученно улыбнулся и поблагодарил Роя.

Чертов орк! Хорошо досталось? Все потому, что взбрыкнул! Вон оно как без магии инквизитора! Чертов монах! Чертов эльф! Я иду в сердце Запустения в окружении людей и нелюдей, половина из которых ненавидят друг друга, и все не доверяют остальным. За исключением Роя и Манрока, наверное, но те на коште у покойного Антуана, а я подозревал кардинала в совершенно определенных распоряжениях насчет вора Николаса Гарда.

Разъярился я не на шутку и в мыслях еще долго проклинал бы судьбу, но со стороны лагеря вдруг раздался выстрел. Мы поспешили к ночной стоянке.

Глава 2

Опасное место

Посреди стоянки лежал Уртак. Остекленевшие глаза немолодого орка смотрели на небо, из располосанного горла текла кровь. Над ним навис Томас Велдон, он осенял мертвого знаменьями и читал молитву. Гном, эльф и арниец с оружием в руках – словно приготовились к бою – окружили церковника и убитого. Крик снова натянул тетиву, гном сжимал пару пистолей, а лейтенант с аркебузой наперевес вертел головой.

– Во имя Господа нашего...

Лицо Морока исказилось от ярости.

– Не приближайтесь к деревьям, – бросил через плечо арниец. – Она скрылась там!

Алиса! Он говорит об Алисе! Кровь и песок! Она начала убивать!

С уст Генриха фон Герингена слетели незнакомые слова; кажется, он выругался на огсбургском наречии. Имперец тоже понял, что вернулась убийца из ночного тумана.

– ...и вечный покой даруй усопшему, – продолжал инквизитор.

Молитву он читал нарочито громко, как будто хотел, чтобы ее слышали за пределами стоянки.

– Отец Томас! – Манрок решительно направился к монаху.

Вождь жестом подал своим воинам какой-то знак, и трое орков за его спиной разошлись широким полукругом. Орки тоже взяли за оружие, как перед схваткой, только не очень-то похоже, что опасаются нападения из леса. Они

ждут боя с Тейвиллом, Барамудом и Криком!

Кровь и песок! Имперец расположился по левую руку от Болга. Он с ними! Граф не сводил взора с Тейвила, во взоре полковника читалось желание поквитаться за кончик уха.

Да ведь так мы себя сами перебьем! Алиса и рук не замарает!

– Проклятый пепел! – пробормотал толстяк. – Кровью пахнет!

Про меня и горца позабыли. Мы стояли на тропе, ведущей к берегу, и наблюдали за происходящим. Я лихорадочно перебирал варианты, как остановить намечавшееся смертоубийство, и не находил ничего лучшего, как тоже взяться за оружие.

Манрок остановился в двух шагах от инквизитора. Томас Велдон глянул на него, однако же чтения отходной молитвы не прекратил. Орк потянулся к кинжалу на поясе.

– Рой, – я поднял один из пистолей над головой, – давай за мной!

– Чего удумал? – пробормотал Акан, двинувшись следом.

– Нет времени объяснять.

На самом деле я не понимал, зачем позвал толстяка за собой. Может быть, чтобы его присутствие придало уверенности... А-а, к дьяволу! Они сейчас вцепятся друг другу в глотки. Надо действовать! Я выкрикнул:

– Святой отец! Манрок!

Мой возглас остался без ответа, тогда я выстрелил. По виску сбежала капля пота. Я рисковал, очень сильно рисковал. За выстрелом могли грянуть новые, и уже чужие, но пронесло. Нервы людей и нелюдей выдержали.

Когда-то на Крабе видел, как Рыжий Крюк пальнул в облака, и за миг до начала резни сосредоточил на себе взгляды двух корабельных команд, не поделивших

добычу. Взаимная злоба утонула в страхе перед Крюком, и тогда кровь не пролилась. А что сейчас? Репутация Николаса Гарда ужас не внушает. Что придумать мне?

- Прекратите! - ничего другого на ум не пришло.

- Не вмешивайся! - не оборачиваясь, прорычал Манрок.

Томас Велдон все так же молился, словно не видя и не слыша, что происходит вокруг, и от его поведения веяло не смирением, о чем любит говорить Мать Церковь, а открытым вызовом. Чертов монах!

Я схватил вождя за плечо. Манрок мгновенно развернулся, откинув мою руку; его резкое движение чуть не спровоцировало орков. Они едва не кинулись к нам, и тогда выдержка оставила бы уже всех остальных.

- Уйди!.. - прошипел Морок. - Тебя это не касается!

- Ошибаешься, вождь, - я старался говорить на повышенных тонах, - меня это касается! Только попробуйте кинуться на них, и я начну стрелять по вам всем! Пусть и мою шкуру кто-нибудь продырявит, но никто не выйдет из схватки победителем.

Повисла тишина, смолк даже Велдон. На меня уставился каждый, кто был здесь. Почти победа!

- Верно я говорю? А, Рой?

Замерший в трех шагах позади толстяк поднял свой пистоль до уровня глаз и принялся водить ствол из стороны в сторону: то наводя оружие на орков и имперца, то целясь в Крика, Барамуда или Ричарда.

- Думаю, что говоришь ты верно, Николас, - произнес Акан.

Толстяк с лету угадал, как нужно действовать. Они все полагали, что выйдут победителями из намечавшейся схватки. По меньшей мере, каждый думал, что у него-то точно есть шанс. Но когда появляется кто-то новый и объявляет, что

будет палить во всех без разбору, исход боя уже не просчитаешь.

- Вы здесь не просто так! – продолжал я. – Вы должны доставить меня в сердце Запустения, а не порешить друг друга в первые же дни похода! Я помню, Манрок, твой рассказ о битве трех обреченных кланов против войска людей. А ты не забыл, сколько твои люди получают, если мы вернемся из проклятых лесов победителями? Ты готов предать будущее своего клана?

Орк слегка оскалился и, почти не мигая, смотрел на меня.

- Во имя Бога Отца и Бога Сына, – негромко произнес святой отец. Монах в последний раз осенил убитого знаменем и, не уделяя оркам даже толики своего внимания, удалился.

- Морок, – Рой опустил пистоль, – ты должен предать земле Гурдуна и Уртака.

- Как погиб Уртак? – Вождь орков посмотрел на Тейвила.

Трое воинов Манрока сгрудились около мертвого, они тоже опустили оружие; как и остальные. Напряжение, которое охватывало наш небольшой отряд еще несколько мгновений назад, вдруг ушло.

- Кровь и песок! – выругался Тейвил, его палец вновь лег на спусковой крючок аркебузы. Арниец бросал на лес настороженные взгляды. – Я видел только, как она исчезла. Просто растворилась в воздухе на краю поляны. Она может быть рядом!

- Та тварь... – Я замешкался.

Никто не знал и не мог знать, что убивает племянница кардинала, однако я неожиданно понял, что не хочу, чтобы вскрылось имя убийцы. Пусть сейчас это и невозможно, однако я не желал выдать Алису вольно или неволью.

- Да! Здесь была она! – воскликнул арниец. – Проклятый пепел! Та самая тварь, что убивала в тумане.

- Проведать бы, как она вылезла из могилы, – произнес Рой.

Ему конечно же рассказали о той ночи, мертвой женщине с каштановыми волосами и обгоревшим лицом; да и когда шли до становища орков, я предупредил, что тень крадется за нами.

- И во что обратилась после Преисподней, и какого черта идет по следу! - добавил толстяк.

Манрок слушал говоривших, мрачняя на глазах.

- Как погиб Уртак? - Он повторил вопрос. - Я хочу знать, как это произошло!

- Говорю же тебе, не видел, - процедил Ричард.

Манрок побагровел. Я выругался про себя. Нервы у всех на пределе, и, похоже, опять все может начаться.

- Крик и я видели, - к нам приблизился гном, - фигура в черных одеждах, женщина...

Гном обернулся, глянув на эльфа. После кивка перворожденного продолжил:

- Да, я не ошибся, женщина то была. Появилась из ниоткуда и перерезала твоему горло. Потом уж Ричард стрелял по ней, но, видать, промахнулся.

- Я разрядил пистоль, когда тварь уже растворилась в воздухе, - вставил Тейвил.

- Нам жаль, Морок, - сказал Барамуд.

Мне показалось, что гном сочувствовал искренне, однако же вождь повел себя очень странно. Слова гнома обозлили его.

- Кому жаль? - Орк с вызовом уставился на Барамуда.

- Нам, - нахмурившись, ответил тот, - Крику и мне.

– А вам можно верить? Тебе и твоему эльфу? После того как его стрела чуть не проткнула меня!

Гном перехватил свой клевец. Он совсем не прочь размозжить орку голову!

– Окститесь! – Над поляной прозвучал глас отца Велдона. Я услышал почти позабытые железные нотки. – Безумство Запустения! Вы в плену проклятия здешних лесов!

– Безумство Запустения? – Морок вытер рукавом проступивший на лбу пот. Взор орка переменялся, он рассеянно перевел взгляд с Барамуда на мертвого Уртака, затем на нож, появившийся в собственной руке. – Конечно же... Нас коснулось дыхание тьмы.

– Нужно как можно скорее покинуть эту поляну. – Инквизитор держал перед собой серебряное Распятие и обходил лагерь, осеняя каждого знаменем.

Дойдя до нас, церковник вопросительно посмотрел на орка. Я ожидал, что Манрок снова взорвется, но он лишь сказал своим, чтоб не дергались.

– Надо уходить отсюда, да побыстрей, – повторил священник, когда все, включая эльфа, получили его благословение. – Безумство Запустения лишает разума!

– Да о чем вы толкуете? – Меня охватило нешуточное раздражение. То поубивать друг друга готовы, то ведут себя как покорные агнцы и толкуют о каком-то безумстве.

– Тише, Гард. – Предо мной появилась небритая физиономия толстяка. – В Запустении есть места, где опасность подкрадывается незаметно. Мы угодили в одно из таких.

– Какие еще места? Что ты несешь?

– Да уймись же ты, Гард!

Рой схватил меня за грудки и сильно встряхнул. Я едва не разразился бранью в адрес тупого толстяка, но вцепившаяся в меня злость неожиданно исчезла.

С недоумением оглядел Роя и негромко произнес:

- Теперь все в порядке.

- Вижу, - облегченно выдохнул Рой.

- Что со мной происходит? Со всеми нами? Откуда эти накатывающие взаимной ненависти?

- Потом, Николас! Нужно уносить ноги.

- Мне бы тоже хотелось понимать, что происходит, - к нашему разговору присоединился Геринген.

Имперец был вне себя, сжимал и разжимал кулаки. Теперь его черед, полковника охватила злоба. Точно как меня несколько мгновений назад.

- Черт с тобой. - Толстяк махнул рукой и вдруг кинул полковнику флягу с бренди. - Лови!

Генрих поймал и непонимающе взглянул на Роя.

- Все, гони обратно, - растянулся в ухмылке толстяк. - Это чтоб дурные мысли сбить...

- Рой! - окрик Манрока перебил горца. - Хватит трюндеть!

Орки и все остальные спешно сворачивали лагерь.

- Слыхали? Убираться надо, потому говорю коротко, а вопросы - после. В Запустении попадаются места, где людей охватывает беспричинная злоба и бешенство. То одного, то другого, пока не перебьют друг друга. Посему держите себя в руках.

Вот оно что! Пока взваливал за спину заплечный мешок с припасами да надевал по сугробу с каждого бока, несколько раз ловил себя на мысли, что готов прибить

Тейвила или Герингена, которые копошились рядом. В ответ получал косые взгляды, но мы держались; остальные, хвала Харузу, тоже.

– Ну, – Морок обвел взглядом наш небольшой груженный отряд – даже отец Велдон нес свою часть припасов, – все собрали?

– Уходим, – прогудел басом гном. – Крик сказал, что тут воздух отравлен.

– А как же та тварь? – встрял Тейвил.

– Она не нападет, – ляпнул я.

Дьявол! Чуть не сболтнул лишнее. Тени поблизости нет, я не чувствовал ее, но зачем языком молоть? Я возблагодарил небеса за то, что моим словам не придали значения.

– Когда ходили на разведку к Гнилому водопаду, встретили несколько подходящих мест для новой стоянки, – сказал гном.

– Веди, – молвил вождь. – Разобьем новый лагерь, а затем я и мои люди идем назад к Уртаку и Гурдуну. Мы вернемся сюда к полудню?

– Мнится, что да. – Барамуд погладил свою пышную бороду.

– Нам понадобятся носилки, – задумчиво произнес Манрок, – и еще одна пара рук.

Генрих фон Геринген вызвался помочь. По всему выходит, что на время похода он теперь с орками. Лишь бы оказался рядом, если пожалуют подруги Алисы или другие гости от ее хозяев.

Мы выдвинулись.

Окрестности ничем не отличались от любого другого леса в зимнюю пору за пределами Запустения. С начала пути я ожидал увидеть вдоль берега Черной речки искореженные облезлые кривые деревья, но уже который день нас окружают обычные серые стволы, сбросившие листву, да сосны и ели. Сапоги

продавливали тонкий слой мокрого снега, укывший слоеный пирог из мокрых, почерневших и побуревших листьев, мха, сухой травы и ржавых осыпавшихся иголок. Сырой воздух, и почти нет ветра.

Небо затянуто свинцовыми облаками. Здесь, в проклятых эльфийских лесах, еще ни разу не светило солнце. Впрочем, в такой погоде нет ничего удивительного для северных королевств, тем паче за Долгим хребтом.

Когда шли на лодках, ночь проводили на берегу. Укладываясь спать после первого дня в Запустении, я долго вслушивался в звуки из темноты, но не уловил ничего, что могло бы напугать или просто насторожить. Порой думалось, что все истории про здешний лес сотканы из пустых сказок. Только я сам пережил несколько жутких ночей в Арнийском Сумеречье, и потому мне не нужно верить в черную славу Запустения – я проверил ее на себе.

До новой стоянки добирались недолго, чуть более часа. С виду она очень напоминала то опасное место, где разбились прошлый лагерь. Но эльф на языке жестов уверил гнома, что здесь не о чем беспокоиться, а гном пересказал все нам. Пока Барамуд говорил, перворожденный старательно втягивал ноздрями воздух, как если бы пытался унюхать, не отравлен ли он опять. Это выглядело даже смешно, я заметил озорные искорки в глазах Роя. Толстяк подмигнул, но в лице не изменился. Я понял, что смеяться не стоит: и гном, и эльф плохо понимают юмор.

Орки и Геринген налегке отправились назад, а мы принялись устраивать новую ночевку. Ранее завтрашнего утра путь точно не продолжим. Тейвил настоял, чтобы как минимум двое находились все время наготове с оружием в руках. Первыми стоять на страже до темноты жребий выпал ему и Крику. Я и толстяк заступим на пост в первую половину ночи, гном и инквизитор – во вторую. Излишняя предосторожность, как мне казалось. Я не чувствовал близости Алисы, она где-то далеко, но, скорее всего, Ричард прав: мы все-таки в Запустении.

На орков и имперца не рассчитывали. Пусть схватка чуть не случилась из-за Безумства Запустения, как это обозвал отец Томас, и мы все были не в себе; пусть ненависть ушла, но обострилось чувство недоверия. С самого первого дня похода я не питал иллюзий, что среди нас мало кто доверяет остальным; лишь орки по-настоящему верят своим соплеменникам. Отныне же мы явно разбились на две половинки, хотя и среди «моих» Николасу Гарду нельзя положиться на кого-нибудь в полной мере. Я скорей доверюсь племяннице кардинала, она-то

была искренна со мной.

Завернувшись в плащ, я грелся у костра и клевал носом. Смеркается, а этих дрянных орков еще нет...

– ...сделали все как надо, Рой. – Голос вождя клана вырвал из сна.

Они и имперец вернулись. Стемнело окончательно.

– Вставай, Николас, – обратился ко мне горец, – наш черед караулить.

– Мы сменим вас через три часа, – сказал толстяку Морок. – Я и Генрих.

Арниец уже тихо сопел рядом, эльф жевал сушеное мясо у другого костра. Я поднялся. Может, мы придали слишком большое значение утренним событиям? Вряд ли стоит видеть в орках врагов.

– И то дело, – произнес Акан, – после вас Барамуд и отец Тейвил. Потом снова твои воины.

– Одного Барамуда мало, – Морок устало уселся у огня и аккуратно пододвинул к теплу раненую конечность, – у инквизитора нет оружия. С ними будет один из моих воинов, их ведь трое, а нужна всего пара дозорных.

– Твоя правда, Манрок, – Рой проверял оружие. – Надо бы...

Толстяк не договорил. Из темноты раздалось четыре птичьих крика. Поочередно с северной стороны, с запада, юга и востока. Я не силен по части пернатых, но показалось, что заголосили непохожие друг на друга птицы.

– Морок, скажи мне, что я ошибаюсь... – тихо сказал Рой.

– Духи темных лесов! Акан, ты не ошибаешься, – вскочив, произнес Монрок. – Так перекрикиваются разведчики из нашего клана, когда окружают врага. Ушедшие с Гурдуном вернулись, и мы для них враги.

– Скорей добыча. – И Рой грязно выругался.

Нарваг, Болг и Ивур с кривыми мечами в руках окружили вождя.

– Просыпайтесь! Вставайте все!

Глава 3

Гнилой водопад

– Опять перекликаются, – раздраженно произнес Рой, усаживаясь рядом.

Толстяк протянул к костру руки и растопырил замерзшие пальцы. Сидевший слева от меня Тейвил покосился в сторону, откуда доносился птичий крик.

– Все никак не уймутся, – пробормотал арниец.

Я устало кивнул. Бессонная ночь близится к концу. Восточный край неба уже посветлел, лагерь и окружающие стоянку деревья окрасились в серые предутренние тона, а мы все ждем нападения и не смыкаем глаз. Кровь и песок! Зря не послушались Барамуда! К полуночи гном решительно заявил, что, дескать, держать ухо остро можно и половине отряда, а другие могут и поспать. Кроме эльфа, никто с гномом не согласился: укрытый тьмой лес постоянно оглашался перекриками упырей, и казалось, что нежить вот-вот нападет.

Гном отмахнулся на возражения Морока, сказав, что, ежели что, Крик его разбудит, и, закутавшись в плащ, раскатисто захрапел. Спустя два часа эльф его растормошил, зевающий Барамуд заступил на пост. Они менялись еще дважды, мы же ждали, как дураки, заняв оборону вокруг двух костров. Отец Томас молился внутри кольца из орков, людей и одного эльфа да подкидывал в огонь дрова, а мы застыли истуканами, иногда переговаривающимися меж собой.

К середине ночи кольцо рассыпалось, мы и орки уселись у огня, но по-прежнему бодрствовали и пялились во тьму. Мы – это я, Тейвил, Рой и Томас Велдон.

Имперец держался орков, а гном и эльф расположились меж двух частей нашего отряда. Крик сейчас спал, я завистливо посмотрел на перворожденного и сделал вид, что не заметил ухмылки Барамуда.

- Всё! - Я выругался. - Тянем жребий, кому оставаться на часах. Остальным отбой!

- Черт с ними, перекриками, - согласно крикнул Акан Рой, - наломаю веточек для жребия.

- Не нужно, - произнес Велдон, - я буду первым.

- Святой отец, - Ричард потрянул головой, чтобы отогнать усталость, - у вас нет оружия!

- Вера сильней стали. - Инквизитор поднялся на ноги, устремив взор на север, куда вел наш путь, и произнес: - Я посторожу, а если дьяволы все же появятся, вас я разбужу, лейтенант.

- Добро, - произнес арниец.

Он сказал что-то еще, но я уже не слышал, что он говорит. Как сидел с взведенными пистолями, так и упал головой на суму с припасами, не выпуская оружие из рук, и погрузился в небытие...

- Гард!

Рой тормозил меня за руку.

- Мой черед? - потирая глаза, я поднялся. Сон без сновидений пролетел за один миг, словно его и не было.

- Твой. С час покарауль, потом буди отца Велдона.

- Еще кричат?

- Нет. Заткнулись, сучьи дети, и давненько. Когда Ричард караулил.

- Выходит, часа два как спокойно, - произнес я, размышляя о минувшей ночи. Почему нежить выла, но не нападала? Нас словно бы измотать хотели, лишить сил, что, конечно, разумно тактически, но противоречит моим скромным познаниям об упырях. Считается, что вновь обращенный кровосос глупей любого дикого зверя.

Акан лег к костру и мгновенно вырубился. Уже совсем рассвело. Лагерь мирно посапывал, как будто и не в глубине Запустения. Орки последовали нашему примеру - тоже спят; с их стороны на часах стоит Ивур.

- А ты молодец, - набивая трубку, ко мне подошел гном.

- Я? - не сразу понял, к чему клонит Барамуд. Спросонья думалось туго. - Почему?

- Потому что об отдыхе заговорил. - Гном пыхнул табачным дымом.

Я выругался. Нет, зря мы не послушали Барамуда, но не признаваться же бородачу в этом...

- К утру можно было и прикорнуть чуток, - опустив взор, я сделал вид, что проверяю, порох в пистолях и не замечаю ехидного взгляда Барамуда.

- Раньше надо было заваливаться спать. - Гном отвернулся, оглядывая лагерь. - Пока стоим на этой поляне, бояться нечего. Я как понял это, сразу захрапел.

- Отчего же здесь неопасно? Мы ведь в Запустении. - Я попытался отшутиться; вышло криво и неудачно, гном даже не понял, что я говорил о проклятых лесах с иронией.

Барамуд заговорил после некоторой паузы, его лицо посерьезнело.

- Тут, - начал он, - в прежние времена... кхм, давно... располагалась гномья слобода с небольшим святилищем. Перевалочный пункт для торгового люда. Сдается мне, что мы посреди слободы ночевку и сделали.

Я покрутил головой, ища следы развалин либо еще чего-нибудь, что навело Барамуда на мысль о слободе, однако нет и намека на прошлое.

- Посему, - продолжал гном, - никакая нечисть сюда не сунется.

- Из камня слободу сложили?

Барамуд кивнул и затаился.

- Трудно поверить, что здесь когда-то стояли каменные дома гномов, - с сомнением в голосе произнес я, - да еще святилище вашего племени.

Пыхтя трубкой, Барамуд повернулся ко мне боком и снова кивнул. Его взгляд уставился на что-то невидимое: возможно, устремился в прошлое, в воспоминания; хотя вряд ли - не мог Барамуд помнить эту слободу. Проклятие легло на эльфийские леса полтора столетия назад; тогда же, должно быть, разрушили и гномий торговый пост. Кабы Барамуд видел его своими глазами, то предо мной стоял бы не крепкий, как скала, гном, пусть и наполовину седой, а уже довольно старый, дряхлеющий. С виду Барамуд только приближался к своей сотне лет.

- Сохранилось что-то от слободы? Какие-нибудь развалины?

- Нет.

- Но как?..

- Пусть это останется моим секретом.

Обернувшись, гном оценивающе осматривал меня. Я начал испытывать раздражение, меня обычно злили многозначительные намеки и недосказанности, тем более когда устал и не выспался. Катись к чертям, гном, со своими секретами.

А порох-то отсырел. Я принялся перезаряжать пистолы, более не смотря на Барамуда, словно тот исчез. Но мое нарочитое равнодушие не вызвало ответной

холодности. Удивительно: гномы-то обидчивы.

- Хочешь, поведаю тебе о другом, человече?

Я искоса глянул на Барамуда. «Человече»? Чего он по-старомодному взялся говорить?

- Ну, - буркнул я, продолжая работать шомполом.

Гном вытащил трубку изо рта.

- Хочу видеть твои глаза, Гард, - сказал он.

Кровь и песок! Гном слишком уж назойлив.

- Ну, - откровенно невежливо бросил я, поднимая взор.

Сейчас Барамуд либо отвалит, либо займется выяснением отношений. Однако ни взгляд, ни лицо гнома не выражали раздражения или злости. Гном вообще как-то уж слишком спокойно смотрел на меня.

- Этот поход - нелегкое испытание, - заговорил он, - и, если случится так, что станет совсем невмоготу, позови меня или Крика. Мы сможем прийти на помощь.

Гном замолчал.

- И?..

- Это всё.

- Всё?.. Вы и так рядом. Чего вас звать?

Гном пожал плечами, пустил несколько дымных колечек и молча удалился к тихо почивающему эльфу. Станный какой-то разговор приключился. Я размышлял над ним, доканчивая перезаряжать пистолы, а лагерь тем временем отходил ото сна. Первым поднялся Морок.

Вождь орков хмуро оглядывал стоянку, когда к нему приковылял Барамуд. Теперь гном присел на уши Манроку; о чем они говорили – не знаю, не вслушивался. После короткой беседы с гномом Морок зычным голосом объявил подъем. Помятые после бессонной ночи люди и орки наскоро перекусили и закопошились, собираясь в дальнейший путь. Эльф и гном уже ждали: им вести отряд к Гнилому водопаду. Барамуд вновь задымил трубкой, поглядывая то на орков, то на нас. Крик демонстрировал прежнюю бесстрастность. К слову, одежда перворожденного выглядела безупречно, словно тот и не провел ночь на земле.

Скоро мы выступили. Лес поредел, с почерневших влажных ветвей падали тяжелые капли, под мокрым снегом чавкало. Меж стволами деревьев белел туман. Шли настороже, памятуя о возможной нечисти, но с рассветом лес по-прежнему молчал. Через пару часов деревья расступились, туман растворился.

На несколько лиг вперед до реки простиралась ровная, как стол, местность, поросшая травой соломенного цвета; высушенные ломкие стебли достигали пояса, повсюду разбросаны серые валуны, размером с голову и поболее, самые крупные из них поднимались выше травы. Снег весь истаял. Среди подергиваемого ветром сухостоя темнели островки густого кустарника, из которого торчали два-три мертвых ствола с искореженными ветвями. Сухостой был часто прорежен проплешинами каменистой земли.

– Там, – Рой ткнул пятерней на северо-восток, – Черная речка обрывается Гнилым водопадом и сливается с широкой Тартой.

– Где? – Ричард Тейвил старательно пялился в указанную толстяком сторону. – Не видать никакой Тарты.

– С нашей стороны берег Тарты поднимается высоким и крутым склоном. Смотрите, к северу от нас все покрыто высокой травой, потому реки и не видать.

Действительно, казалось, что травянистая равнина утыкается в лес, и никакой воды там нет. Лишь далеко впереди, слева, видно Черную, и то была уже другая река. Спокойная речка, по которой мы шли на лодках, превратилась во взбаламученный многочисленными порогами бурлящий пенящийся поток. Понятно, почему вчера оставили лодки: близко к Гнилому водопаду на них не подойти.

Я снова посмотрел на Черную. Далековато до нее, но все равно река, изрезанная порогами, должна сильно шуметь. Однако гул воды сюда не доносился.

– У водопада есть брод, – продолжал Рой. – Перейдем по нему реку и двинем дальше.

– Глубоко там? – спросил я.

– Самое большее – по пояс, – ответил гном, – а так – по колено.

– Холодновато для перехода реки вброд, – резонно заметил Тейвил. – Почему сразу не высадились на противоположном берегу?

– Потому, – сказал Акан, – что все, кто пробовал подойти до Тарты по левому берегу, до водопада так и не доходили. Назад тоже не возвращались. Хочешь попробовать?

Арниец выругался, добавив, что лучше бы доброго эля попробовал.

– К кустам не подходить! – громогласно объявил Барамуд. Гном оказался совсем близко, и от его баса зазвенело в ушах.

– Что там? – спросил Тейвил, подозрительно уставившись на ближайšie заросли.

– Гиблый песок, – пояснил Рой. – Если ступишь, то, почитай, тебя уж нет. Затягивает с головой за несколько ударов сердца.

– Ты бывал раньше у Гнилого водопада? – сощурившись, спросил Барамуд. Что-то его насторожило. Не зря говорят, что гномы подозрительны сверх всякой меры.

– Нет, только слыхал о нем, – ответил толстяк, – но я же горец – у нас по вечерам только и толкуют о Запустении и следопытах. Сам я тоже из них, хотя давненько это было, да и в эти края добираться не доводилось. Зато наслышан о Гнилом водопаде, как и все.

– А мы вот сюда хаживали, – хмыкнул Барамуд.

- Потому Фосс и нашел тебя и Крика. Верно ведь?

- Верно. - Гном погладил бороду; подозрительность оставила его.

- Что за Гнилым водопадом? - Имперец исподлобья посмотрел на гнома.

- Дальше на север никто не ходил, - ответил тот, - либо не возвращался. Мы будем первыми.

- Если вернемся... - процедил полковник.

- Хватит разговоров, - подойдя к нам, произнес Морок. - Давай уже, Барамуд, ваш черед.

Вождь орков был бледен, рана донимала его сильнее ожидаемого. Я вспомнил, как отец Томас исцелил Фосса в брандской таверне: инквизитор являлся сильнейшим магом-врачевателем; и решил сегодня же просить Велдона помочь орку. Ох, то будет непростой разговор - священник не захочет исцелять орка, коль тот яро показывал пренебрежение Святой верой. Морок тоже упрется, как осел: не пожелает принимать помощь от церковника; но Манроку может стать гораздо хуже уже к сегодняшнему вечеру.

- Надо спешить, - сказал вождь орков. - Нужно перебраться на тот берег до темноты.

Гном кивнул и снова обратился к отряду:

- Дальше следуем за Криком, он идет первым. Ступаем за ним по одному. Нос не воротим!

Гном хохотнул и направился к невозмутимому перворожденному.

- Чего он смеется? - спросил я Роя.

- Узнаешь.

– Ты тоже загадками заговорил? – с досадой спросил я.

– Никаких загадок! Скоро сам поймешь, отчего Гнилой водопад так прозвали. Давай уже двигай.

Я шел после эльфа, гнома, Манрока и Болга. Рой – за мной, после него – Ричард и непривычно молчаливый Томас Велдон. Сразу за церковником ступали Геринген и два орка. Нарваг и Ивур, которые замыкали шествие, постоянно вертели головами. Морок велел им следить за лесом, где по-прежнему могли скрываться упыри. Напряжение снова охватило меня; оглядываясь по сторонам, я видел, что мои спутники тоже подспудно ждут появления нечисти.

Мы шли на север, вытянувшись молчаливой цепью. Эльф вел вперед, старательно обходя сухостой, даже маленькие его островки. Перворожденный выискивал валуны покрупнее и старался держаться как можно ближе к ним.

– Если лежит каменюка – значит, гиблого песка нет, – сказал Рой.

Давила мертвая тишина, словно из мира вокруг нас убрали все звуки. Только шуршание камней да скрип песка под ногами, позвякивание железа и чье-нибудь негромкое бурчание. Как будто отряд накрыли не пропускающим звук куполом. Мы заволновались, однако Барамуд успокоил, заверив, что так и должно быть.

– След в след! – Бас гнома напомнил, чтобы держались гуськом.

Крик направился к двум глыбам, каждая из которых высилась на шесть футов. В проходе между камнями начиналась извилистая тропа, петлявшая меж другими валунами, помельче. Все камни высотой до пояса. Трава, что поднималась по обе стороны от тропы, достигала человеческого роста. В нос вдруг ударила волна трупного смрада. От удушливого запаха запершило в горле, накатила тошнота. Я не понимал, откуда столь сильно тянет воню.

– Скорее! – проорал гном. – Пошевеливайтесь! Впереди чисто!

Уткнувшись в рукав камзола, я отчаянно замычал. Кровь и песок! Что здесь сдохло?! Мы торопливо двинулись за эльфом. Надо сказать, что самообладание

первороденного наконец покинуло его. Крик больше не выглядел равнодушным к миру вокруг себя. Как и все остальные, он искал спасения от жуткого зловония, спрятав нос под тряпкой.

Тропа протянулась на полсотни шагов. На последнем участке каменистой дорожки мы уже бежали. Когда проскочили мимо двух высоких валунов, похожих как близнецы на тех, что стояли в начале тропы, эльф высоко вскинул руку.

- Всё! - проревел Барамуд. - Можно дышать!

Бледные, мы жадно хватали чудесный чистый воздух. Генрих согнулся и упал на колени: его рвало. Казалось, что отец Томас вот-вот присоединится к имперцу. Признаюсь, я сам едва не выворотил желудок наизнанку.

- Что это было?.. - просипел Ричард.

- Гнилой водопад, - ответил Морок, морщась от боли. Когда убегали от зловония, он случайно врезался раненым плечом в спину гнома.

Тейвил непонимающе смотрел на вождя орков. Мне тоже хотелось пояснений.

- Гнилой водопад - это не только сам водопад, - сказал орк. - Его округу именуют так же, поэтому Гнилой водопад - это еще и гиблые пески. Из них-то и тянет проклятым зловонием.

- Дьявол! - Поднявшись, Геринген вытер с подбородка вязкую слюну и зло зыркнул на эльфа. - Нельзя было обойти эти заросли?

Морок пожал плечами и кивнул на эльфа:

- Он ведет, здесь земля его крови, а я и мои следопыты сюда еще не добирались.

- Лучше помереть, чем еще раз вдохнуть такое. - Имперец сплюнул и зло выругался.

– Э нет, – встрял гном, – уж лучше я всю дорогу буду дышать гнилью, чем провалюсь под землю. Коль завоняло, значит, точно гиблый песок рядом. Смотри в оба! А Крик верно нас вел – меж валунами трава не росла.

– Заканчивайте с разговорами, – произнес Рой, – до заката нужно переправиться на тот берег.

Я взглянул на небо. Затянута серыми низкими тучами, солнца не видно, но еще весь день впереди.

– Утро ведь... – пробормотал я.

– Зимой темнеет быстро, – произнес толстяк, – а в Аннон Гвендаре ночевать нельзя.

– Смутно знакомое название... – Я вопросительно посмотрел на Роя.

– С эльфийского переводится как Врата Гвендара, – ответил тот. – Главный город перворожденных на юге их владений. В былые времена сюда по Тарте поднимались торговые суда со всех людских королевств Большого Орнора, а мы, горцы, сплавливались на плотках по Черной речке.

– Да... были времена.

К нам приблизились Крик и Барамуд. Гном снова дымил трубкой.

– В те года ваши плоты везли сюда и купцов с наших гор, – добавил он.

Гном окинул взглядом широкий южный берег Черной речки, проведя взором до водопада. Мы уже близко – в паре лиг, наверное, но воды по-прежнему не слышно.

– Здесь располагались порт и огромное торжище – причалы, склады, торговые ряды с товаром на любой вкус, – продолжал Барамуд. – Ты помнишь те времена?

Эльф кивнул. Кто-то из поэтов сказал, что, пока бьется сердце, жизнь перворожденного есть вечность. Сколько эльфу лет? На бесстрастном лице

Крика дернулась скула, хоть что-то его проняло, кроме вони. Эльф задумчиво глядел вдаль.

- Трудно поверить, что здесь когда-то был огромный город, - произнес Тейвил.

Гном, отстегнув от пояса фляжку с бренди, сделал три глотка и молча протянул своему рабу. Крик также отпил трижды. Гном и эльф помянули прошлое. Ныне миром правит людское племя, но не так давно Орнор был иным.

- Что случилось с Аннон Гвендаре? - спросил я.

За полтора века город не мог разрушиться до основания. Где мостовые? Стены? Ничего нет. Как будто чудовищный взрыв стер все до валунов и каменной крошки.

- Никто не знает, - произнес Манрок. - Запустение прогнало из захваченного города захватчиков. Первые следопыты появились здесь много лет спустя. Они нашли Аннон Гвендаре таким, каким мы видим его сейчас. Другие города эльфов тоже разрушены в пыль и все поглощены лесом. Здесь же каменистая земля поросла травой. Аннон Гвендаре более нет, теперь есть Гнилой водопад.

- Да уж, загадка... - Ричард почесал щетину на подбородке.

- Загадка, - сказал вождь орков, - да мало кто пытался найти ответ на нее. Сюда очень немногие добирались.

- И еще меньше возвращалось назад, если тратили попусту время и останавливались у Гнилого водопада на ночлег, - ворчливо напомнил Рой.

- И то верно, - согласился Морок. - Веди нас, Крик.

Мы продолжили путь. Теперь позади меня ступал инквизитор.

- Ты не забыл, что должен кое-что доставить в Ревентоль? - вдруг спросил Велдон.

Не оборачиваясь, я бросил через плечо:

– На память не жалею, и она подсказывает, что вы переправили это «кое-что» в безопасное место.

– Хорошо, что помнишь, – произнес отец Томас.

– Вам бы, святой отец, тоже следовало уехать в безопасное место.

– Тому, кто истинно верует, нечего бояться даже в Запустении.

– И все же зря вы отправились с нами.

– Меня всегда тянуло выяснить, какое зло таится в глубине проклятых лесов. В Писании сказано, что Врага рода человеческого окончательно низвергнут только в дни торжества Царствия Божьего на нашей грешной земле. Но чтобы искоренять любое иное зло, не нужно ждать Второго пришествия!

Я оглянулся. В глазах Велдона снова горел фанатичный огонь.

– Дабы уничтожить проявление Дьявола, нужно узреть плоды, которые от него произрастают, – продолжил он.

– Вы надеетесь победить Запустение?

– Господь всемогущ!

Я не ответил. До меня начало доходить, что заставило инквизитора отправиться в проклятые леса. Он хочет изучить Запустение изнутри и, вернувшись, найти способ, как с ним покончить! Четыре пса не смогли добиться от папы и всей Тимской курии вразумительного ответа, как одолеть проклятие эльфов, а Велдон мнит себя умнее всей своей Матери Церкви? Кровь и песок! Он сумасшедший! Но, по крайней мере, полезный безумец: я вспомнил, насколько нелишни бывали молитвы Томаса Велдона.

– Гард, ты слышишь меня? – Монах дернул меня за полу плаща.

– Чего вам?

– Кто-то из нас должен вернуться, чтобы рассказать об увиденном!

– Вернуться? О! Я сделаю это с превеликим удовольствием!

Инквизитор удовлетворился ответом и больше не донимал.

Хм... Вернуться и рассказать? Будет ли что рассказывать? До сего дня Запустение выглядело как обычный зимний лес. Только очень тихий и почти без птиц: я заметил лишь воронье, и всего несколько раз, да и то вдалеке. Зверье тоже не попадалось, его даже не слышно, а сейчас вокруг вообще купол тишины. Обернувшийся упырем Гурдун тоже не в счет – видал недавно и похлеще.

К реке мы шли еще долго. По прямой до нее вроде не более трех лиг, но добрались к воде уже после полудня. Крик старательно обходил сухостой, и никто из нас в гиблый песок, к счастью, не угодил, но зловоние довелось нюхнуть еще четырежды. Дьявол! Каждый раз вонь оказывалась сильнее предыдущей.

В сотне шагов от вспененной воды окружающее нас безмолвие вдруг исчезло, мы подошли к усыпанному галькой берегу. До обрыва, с которого Черная речка падала в Тарту, еще сотня шагов. Шум водопада казался оглушающим после нескольких часов безмолвия.

Тарта раскинулась внизу под обрывом. Она действительно широка, хотя я ожидал большего, но с пол-лиги точно будет. Спокойная водная гладь текла с севера и перед водопадом поворачивала на восток. Изгиб речного русла позволял увидеть, что берег напротив нас опускался к Тарте длинным пологим склоном.

– Брод – здесь! – перекрывая рокот воды, выкрикнул Барамуд. – Будем переходить. Неглубоко, но течение очень быстрое. Если упасть, вода может унести к водопаду.

До противоположного берега футов семьдесят – восемьдесят. Лес там начинается почти сразу, и мне казалось, что из-за деревьев кто-то наблюдает за нами, однако опасности я не ощущал. К черту! Может, это только чудится. По

меньшей мере, не Алиса; я не чувствовал ее присутствия.

Первым на противоположный берег направился гном. Эльф обвязал вокруг его пояса крепкую веревку и вместе с Генрихом ухватился за другой конец. Если Барамуд оступится и рухнет в воду, к водопаду его не унесет.

Гном разделся почти донага и перебрался на тот берег, держа свои сумы и оружие высоко над головой. Наблюдая за ним, я зябко ежился – вода, поди, ледяная. Бородач благополучно перешел реку, волны всего однажды поднялись до его объемного брюха. Скинув с себя эльфову петлю, Барамуд быстро оделся и обвязал свой конец веревки вокруг ствола ближайшего дерева, а затем принялся торопливо собирать хворост для костра. Холодно ему, как собаке. Я поплотнее закутался в плащ. Брр... Совсем не хочется раздеваться и заходить в стылую реку.

Мои спутники поочередно разоблачались и перебирались на ту сторону, где спешно вытирались и натягивали на себя сухое, чтобы тут же присесть к жаркому костру. Отогревшийся Барамуд щедро подкидывал дрова. Вещи раненого Манрока перетащили Болг и Нарваг.

Переправа выглядела буднично: никто не оступился, все благополучно переходили брод, хватаясь за натянутый канат, который теперь удерживали я и арниец. Жаль, что здесь подходящих деревьев нет. Еще на нашем берегу гном спросил, кто пойдет последним, и сказал вызвавшемуся Тейвилу обвязаться веревкой, когда тот начнет перебираться к остальным.

Генрих фон Геринген стянул сапоги. Он следующий, а я, пожалуй, пропущу еще Ивура и пойду предпоследним, перед Ричардом. На этом берегу четверо, на том уже семеро. Сидят греются у огня.

– Смотрите! – закричал Ивур, указывая на юг, откуда мы явились.

Я обернулся. К реке стремительно приближались три темные человеческие фигуры, только бежали они на четырех конечностях, как гигантские обезьяны.

Дорогой ценой

Ивур заметил упырей в полулиге от нас, и мчались они с невероятной скоростью. Будут на берегу через несколько минут. Тот, что в центре, вырвался вперед, перемежая бег и огромные прыжки футов на десять – пятнадцать каждый. Вскидывая к небу морды, они, верно, оглашали окрестность кровожадным ревом. Однако у берега его не слышать: нежить слишком далеко, пустошь мертвого эльфийского города поглощала любые звуки между ними и нами.

– Кровь и песок!

Упыри неслись к реке, огибая высокую поросль сухой травы. Словно бы разум подсказывал поднявшимся мертвецам обходить гиблый песок, а может, просто чуяли опасность. Но, как и мы чуть ранее, они не могли двигаться по прямой. Гнилой водопад подарил живым драгоценное время.

– Быстрее! – Я торопил имперца.

Генринген лихорадочно натягивал второй сапог.

– Лови! – кинул ему рубаху.

– К черту! Времени нет! – вскочив на ноги, полковник схватился за камзол.

Темные фигуры миновали половину расстояния до реки. Вчера с превеликим трудом справились с одним мертвым Гурдуном, а сейчас против троих мертвецов нас четверо – остальные не успеют переправиться обратно. Близость смертельной схватки пьянила и перемешивалась со страхом. Била нервная дрожь, и я не сразу понял, что Ричард трясет меня за плечо.

– Уходим! Все втроем! Сразу! Он задержит!

Тейвил ткнул стволом аркебузы в Ивура. Перехватив поудобнее рогатину, орк сделал три шага навстречу приближающимся упырям.

Я медлил.

– Проклятье! – выкрикнул Генрих. – Сюда!

Одной ногой он уже ступил в воду. На том берегу что-то орал гном. Шум водопада заглушал его крик, но и так понятно – яростно махая над головой клевцом, Барамуд звал на ту сторону.

Остальные выстроились цепью вдоль кромки воды, с пистолями и аркебузами. Эльф натянул тетиву лука. Томас Велдон опустил на колени и молился.

– Давай, купец! – зарычал Ричард. – Ивур сказал, что мертвые в текущую воду не войдут. Уходим! Орк сам все решил! Не мешкай!

Ивур сделал еще один шаг к нежити. Он идет вперед, чтобы мы бежали. Он дарит нам несколько драгоценных мгновений и платит за это...

Протяжный вой накрыл берег. Упыри в сотне шагов! Они остановились. Поднялись с четверенок и, раскинув то ли лапы, то ли все еще руки, подняли кверху морды и выли, выли, выли...

Орк снова шагнул к мертвецам.

– Давай! – где-то позади вскрикнул огсбургец.

Мертвецы не умолкали.

– Ну уж нет... – сквозь зубы процедил я. – Сдохнете еще раз!

Обнажив бракемарт и сжав в левой руке взведенный пистоль, я двинул к Ивуру. Плащ на плечах вдруг потяжелел. Возможно, это ошибка, моя очередная ошибка, коих столь много за последнее время, но я не мог бросить орка. Одного против трех мертвяков! Когда потерял нить, ведущую к убийце Старика, думалось, что все кончено; что сделал все, что мог. Теперь понимаю: тогда я смалодушничал, попытался обмануть судьбу. Но от судьбы не уйдешь! Она снова ткнула меня, как щенка, в след того, кто уничтожил ночных крыс и Старика. Я больше не буду бежать!

– Ты что? Ополоумел!

Передо мной появилось лицо Тейвила, искаженное гримасой злобы. Лейтенант адресовал мне поток отборной брани.

Я молча обошел его и встал слева от орка. Ивур тяжело, прерывисто дышал, он посмотрел на меня и кивнул. Молодой орк не произнес ни слова, но взгляд следопыта дорогого стоил. Если выберемся из этой передряги, у меня появится тот, на кого можно будет положиться.

Вой вдруг захлебнулся и превратился в голодный рык. Опустившись на четыре конечности, упыри рванули к нам.

– А-а! Чтоб вас! – слева появился Тейвил. Его аркебуза нацелилась на мертвеца, что бежал в середине. – Готовсь!

Пехотная команда здесь отчего-то не показалась неуместной. Упыри в трех десятках шагов. Три ствола поднялись почти одновременно: мой пистоль, ружье лейтенанта и аркебуза Герингена. Сыпля проклятиями на имперском наречии, огсбургец встал справа от орка.

Пятнадцать шагов!..

– По центральному!..

Десять!..

– Пли!

Мы выстрелили! Я даже успел разрядить оружие дважды, отбросив первый пистоль и выхватив из кобуры на поясе второй. Кажется, попали по мертвецу все трое. Он дернулся и застыл на четвереньках в нескольких шагах впереди; заревел, задрав морду к небу. Двое других ринулись в стороны, как будто сговорились брать нас в клещи. Они также рычали, но глаз не поднимали, уткнувшись взором в землю.

– Я сзади! – Тейвил метнулся за спину, прикрыв тыл. – Держу этого! Слева!

Геринген поступил точно так же, закрыв собой спину Ивура и одновременно правый фланг нашей тесной группы. Оголенный бракемарт мог легко дотянуться до орка или имперца. Вторым оружием был пистоль – третий из моих четырех. Тейвил и Геринген тоже сжимали в левой руке по пистолю. У Ричарда их два, у полковника – один. Еще палаш арнийца, горский меч Генриха и рогатина Ивура. Когда заходили назад, оба офицера двигались четко, без суеты, чувствовалась армейская школа.

Я посмотрел на Ивура: молодой орк исподлобья следил за бывшим соплеменником. Ивур не боялся, не паниковал. Проклятый пепел! Легко нас не возьмешь!

Упырь, который оглашал берег громким ревом, начал подниматься, медленно выпрямляя спину. Одежда на мертвце висела только на бедрах, ее, считай, нет, рваные лохмотья какие-то. Кожа потемнела, сделалась почти черной.

Удлинившиеся руки налились буграми мышц, пальцы оканчивались искривленными когтями. Ноги, наоборот, укоротились; выглядел мертвец очень непропорционально. Упырь напоминал гигантскую обезьяну с Дальних островов. Шея почти отсутствовала, зато стала невероятно толстой и мощной. На ней сидела голова с искаженными до неузнаваемости чертами лица, скорее даже звериная морда – покатый лоб и большая раскрытая пасть с выступающими из нее желтыми клыками. Маленькие, глубоко посаженные глаза с почерневшими белками и без зрачков. Я вздрогнул: эти глаза внушали страх с первой встречи с нежитью еще на пути в Бранд.

Упырь мало походил на Ирхака, названного брата Гурдуна, но предо мной медленно мотал головой именно он, ошибиться было нельзя. В груди мертвца зияла сквозная дыра с бурой высохшей кровью на рваных краях. Кто-то или что-то вырвало сердце орка. Кровь и песок! Стрельнула мысль, что Ирхак был тогда еще жив!

Неупокоенный подался чуть вперед и принялся раскачиваться из стороны в сторону уже всем телом. Я бросил взгляд налево и направо: два мертвца сбоку от нас тоже поднимались, они утробно рычали, и казалось – что-то сдерживает их от броска на живую и близкую плоть смертных. Они наклонялись вперед, как перед прыжком, и тут же расправляли плечи. Я узнал и их – Мугаш и Шоргот, и их тела тоже лишены сердец.

С противоположного берега раздалась стрельба, в Мугаша вонзилась эльфийская стрела, но черные глаза мертвецов прикованы только к нам.

- Надо отходить к воде - и на ту сторону, - отрывисто произнес орк.

- Только медленно, - выдавил я, не спуская глаз с мертвого Ирхака, а тот не сводил леденящего кровь взора с меня. Проклятый пепел!

- Держимся вместе, - хрипло проговорил огсбургец.

- Давайте.

- Стойте! - воровское чутье кричало во мне об опасности. - Они сейчас...

И мертвецы напали, они бросились одновременно. Предо мной в пяти шагах выросла темная громада бугристых мышц Ирхака. Двух других упырей я сейчас не видел, и надеялся только на Тейвила и Герингена. Ирхак широко раскрыл пасть и оглушительно заревел.

Я выстрелил, попав в грудь нежити. Проклятье! Стрелять надо было в голову! Мертвец даже не дернулся, поймав пулю, а в следующее мгновение кинулся вперед и налетел на рогатину Ивура.

- На! Ешь! - Орк толкнул тяжелое копьё вперед, поглубже загоняя наконечник рогатины в мертвую плоть. Чтобы сильнее вогнать рогатину в мертвеца, Ивур отступил на два шага вправо, потом еще на один. Неупокоенный сопротивлялся, пытаясь вырвать из себя рогатину, однако Ивур был сильнее - копьё медленно вонзалось в грудь упыря.

Но мертвый Ирхак теперь слишком близко! Я отступил назад, толкая Тейвила, наше маленькое построение сломалось, а имперец сейчас и вовсе не прикрывал спину орка. Геринген боком пятился от Ивура, вода пред собой мечом. Упирь, который обошел нас справа, отступал к реке, и полковник шел за ним.

- Не уходи далеко! - крикнул я.

Генрих услышал, он остановился. Кровь и песок! Поздно! Нас уже растащили по берегу, рядом только Ричард.

Ирхак задрал к небу голову и вновь завыл. Вцепившись пальцами с длинными когтями в древко копья, он более не позволял насаживать себя на рогатину. Зато наконечник копья уже пробил его насквозь: испачканная в какой-то чернубурой мерзости сталь вышла из мертвого на пять дюймов.

Отбросив разряженный пистоль, я торопливо достал свой последний ствол; но что с остальными мертвецами?

Мугаш по-собачьи припал к земле в паре футов от палаша Тейвила, покачивающегося в руке лейтенанта. Мертвец смотрел на него снизу вверх и скалил желтые клыки, а Ричард осыпал упыря солдатской бранью.

Шоргот застыл у воды, уставившись на противоположный берег. Стрелы эльфа вонзались в него одна за другой, две уже воткнулись в голову упыря. Мертвец рычал, рвал лапами невидимую преграду, что не позволяла ступить дальше, но в воду зайти не мог.

Бледный как полотно имперец держал его на мушке своего пистоля. Генрих то и дело кидал взор назад – на двух других упырей.

– Не спускай с него глаз!

Имперец затравленно посмотрел на меня и кивнул. Кровь и песок! Не теряй самообладания!

Грянул залп! Зашипев, Мугаш попятился: стреляли в него.

Подмога идет! Вооружившись рогатинами, Нарваг и Болг двинулись через реку. За ними ступал Барамуд: гном грозил мертвецам клевцом и одноручной секирой.

Рев насаженного на копье Ирхака замолк. Я посмотрел на него: спину прошиб холодный пот. Склонив голову набок, мертвец улыбался. Проклятый пепел! Его пасть растянута в широкой улыбке, черные глаза уставились на Ивура. Упырь вдруг выбросил вперед обе лапы-руки и в одно мгновение протянул себя по

древку рогатины. В следующий миг когти мертвеца вцепились в лицо орка, клыки вонзились в шею. Вопль ужаса молодого воина захлебнулся в булькающих звуках.

– Проклятье! – Я рубанул бракемартом, намереваясь снести голову упырю, но сталь встретилась со вскинутой рукой мертвеца. Отрубленная кисть полетела в сторону!

Бросив убитого, упырь развернулся ко мне. Жуткое зрелище; с клыков стекает красная кровь. Я выстрелил прямо в лицо мертвеца. Свинец разворотил правую глазницу. Неупокоенный покачнулся; я ждал, что он упадет, но тот устоял. Клинок снова взметнулся вверх и отсек вторую выброшенную к моему горлу кисть. Мертвец огласил берег яростным рыком и отскочил назад, махая пред собой обрубками.

– Получи!

Но что делать дальше? Как подступить к упырю ближе, чтоб снести голову? Если не перерубить шею, он точно не упокоится. Однако ж мертвец слишком опасен даже с культями вместо рук.

Сзади грянул выстрел – лейтенант разрядил пистоль в Мугаша. Тейвил тоже стрелял в голову, но промазал. Пуля ударила в песок позади упыря, который все так же скалился, по-звериному припадая к земле.

Выругавшись, Ричард позвал имперца:

– Сюда!

Мы снова сбились вместе. Мертвый Ирхак ревел, не умолкая, упырь размахивал предо мной обрубками, но более не приближался на расстояние выпада бракемарта. Неупокоенный постоянно дергался – то вправо, то влево, отступал и приседал, чтобы затем тут же выпрямиться, однако не атаковал. Рогатину он вырвал из себя, открыв в груди еще одну страшную рану.

– Надо идти к реке! – перекрикивая рык мертвого орка, заорал Геринген.

Я наклонился к его уху:

– Как?

Третий упырь отделял нас от брода. Обойти не получится, у нашего берега он довольно узкий, и оставалось надеяться, что орки и гном смогут справиться с Шорготом. Мертвец присел у воды и, рыча, мотал головой.

– Когда...

Я не договорил. Темная громадина ринулась на меня. Обрубок с черной склизкой жижой на конце ударил по лицу. Я зажмурился и нырнул в сторону, уходя от клацнувших клыков. Прыгая, умудрился рубануть позади себя бракемартом. Клинок вошел в бок мертвеца и неудачно крутанулся в ладони. Я выронил саблю! Бракемарт упал к ногам мертвеца.

Кувыркаясь, покатился по острым камням, с каждым ударом рвущегося из груди сердца ожидая, что сверху навалится нежить. Но нет! Я вскочил в нескольких футах от неупокоенного, теперь в руках кинжалы. Поднявшийся ветер трепал волосы – шляпу я потерял.

Ирхак смотрел то на меня, то на Генриха, тоже отскочившего на несколько шагов, а прямо перед мертвецом – никем не прикрытая спина Ричарда. Лейтенант размахивал палашом, сдерживая выпрямившегося Мугаша.

– Бей! – что было мочи прокричал я имперцу.

Он выстрелил! Промазал! Раскинув культи, Ирхак развернулся к нему, и – о господи! – Геринген начал отходить от упыря. Мертвец снова огласил берег торжествующим рыком.

Проклятый пепел! Ирхак бросился на Тейвила, желтые клыки вонзились в правое плечо лейтенанта! Ричард отчаянно ударил палашом назад, пронзив живот неупокоенного, но это не могло причинить упырю вред. Мугаш тоже прыгнул к Ричарду, его клыки сомкнулись на левом бедре Ричарда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/kuc_serгей/vor-i-t-ma

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)